

State of Rights (Состояние прав): Документирование прав человека гражданами очевидцами

Продолжите разговор через Твиттер, используя #StateOfRights

Google+ Hangout

Вашингтон (округ Колумбия)

Среда, 18 марта 2015 г.

Г-н МАХАНТИ: Доброе утро, добрый день, добрый вечер – где бы вы ни находились, приветствую вас на сегодняшнем мероприятии из серии «State of Rights» (Состояние прав). Меня зовут Дэн Маханти. Я старший советник Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Госдепартамента США, и мне выпала честь быть модератором сегодняшней дискуссии. Я хочу начать со слов благодарности в адрес каждого из гостей, которых я вскоре представлю. А также хочу поприветствовать всех, кто присоединился к нам в режиме онлайн по всему миру, и особенно в наших посольствах за границей. Особо приветствую также бывшего Помощника государственного секретаря Майка Познера, который присоединится к нашей беседе из Центра по вопросам бизнеса и прав человека при Школе бизнеса Нью-Йоркского университета.

Я начну с того, что задам несколько вопросов каждому из гостей, а потом буду принимать ваши вопросы, поступающие через Твиттер. Прямо в этой комнате находится команда, которая следит за активностью в Твиттере. Те из вас, кто находится в Твиттер-вселенной, могут задавать вопросы, используя хэштег #StateofRights. Наша команда будет передавать эти вопросы мне в режиме реального времени. Дополнительные материалы по сегодняшнему мероприятию можно найти в цифровом архиве по адресу humanrights.gov/stateofrights, где также ведется прямая трансляция мероприятия. Я начну с небольшой предыстории этой дискуссионной серии под названием «State of Rights». Это программа Государственного департамента США по общественной дипломатии, которую проводит Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда. Эта серия дискуссий дает возможность экспертам и общественности вступать в интерактивный диалог о глобальных тенденциях, оказывающих влияние как на страны с динамично развивающейся экономикой, так и на страны молодой демократии. С помощью хэштега #StateofRights аудитория может (как уже делала раньше) в режиме онлайн участвовать в обсуждении вопросов политики, имеющих общемировое значение, таких, как, например, наш сегодняшний вопрос о документировании нарушений прав человека, а также продолжать этот разговор в режиме онлайн и друг с другом по окончании мероприятия. Каждое обсуждение из серии «State of Rights» будет переведено на несколько языков и размещено в архиве, чтобы организации гражданского общества и другие могли без труда скачать этот (невнятно) и распространить его через свои локальные сети.

Давайте приступим к сегодняшней дискуссии. Наша тема сегодня – это очевидцы из числа рядовых граждан, документирующие нарушения прав человека. Мы уделим основное внимание возрастающей роли видео при документальной фиксации и информированности о злоупотреблениях и нарушениях в области прав человека, и той новаторской работе, которую ведут граждане, общественные медийные группы, НПО и другие нетрадиционные «репортеры», чтобы сообщать о нарушениях прав человека (невнятно).

Я хотел бы сначала представить наших гостей. Это Мэделин Бэйр, руководитель программ канала по правам человека WITNESS, который являлся одним из наших партнеров при подготовке этого мероприятия. Спасибо, Мэделин!

Г-жа БЭЙР: Спасибо вам!

Г-н МАХАНТИ: Также с нами Кристоф Кеттл, советник по вопросам оперативного реагирования организации «Международная амнистия», и Айрин Эррера, кинематографист из Венесуэлы, журналист, просветитель и один из основателей организации «Видео Венесуэла». Их впечатляющие биографии и ники, которыми они пользуются в Твиттере, можно найти на сайте humanrights.gov, как и множество связанных с каждым из них материалов, выложенных на этом сайте. Если по окончании нашей дискуссии сегодня у нас останется время, то я передам им слово, чтобы они рассказали немного о некоторых ресурсах, которые они разместили в Интернете, обеспечив доступ к ним для различных правозащитных организаций и граждан-видеорепортеров со всего мира.

Теперь давайте начнем. Вчера вечером я прочел «Итоги года», подготовленные каналом «Права человека», и обратил внимание на тот факт, что в течение прошедшего года видео, в том числе, видео, снятое фотографами-любителями на мобильные телефоны и т.п., завладело общественным вниманием, и помогло беспрецедентно повысить информированность о событиях в мире, причем часто такие видеоматериалы выводили проблемы на мировой уровень. Мы увидели видеоматериалы о злоупотреблениях и нарушениях прав человека в нашей собственной стране – здесь, в США, в городе Фергюсон (штат Миссури), а также на площади Тахрир и в Ираке (с участием ИГИЛ). Видеоматериалы действительно привлекли внимание миллионов зрителей. Все больше и больше событий снимаются на видео, и все больше людей используют видео в правозащитной деятельности.

И с этого я бы хотел начать наш разговор с организацией WITNESS, с вопроса, который я бы хотел задать Мэделин: в дополнение к упомянутым мною событиям, получившим широкую известность, о которых говорится в начале отчета по итогам года организации WITNESS, не могли бы вы рассказать об одном или двух примерах, когда так называемые «обычные» или «простые» граждане фиксировали нарушения прав человека или привлекали внимание властей, прессы или международной аудитории к определенным

проблемам так, что это приводило к каким-либо сдвигам? Может быть, вы могли бы поговорить об этом немного?

Г-жа БЭЙР: Конечно, спасибо за вопрос, Дэн. Такие примеры приходят каждый день со всего мира, мы видим, что каждую минуту на YouTube загружается более 120-ти часов видео, и среди них есть и такие, где зафиксированы нарушения прав человека. Я приведу всего лишь два примера, за которыми мы следим в последнее время. Один из Бразилии. В прошлом месяце военная полиция провела рейд в одном районе трущоб в Рио-де-Жанейро; во время этой операции был застрелен пятнадцатилетний мальчик и серьезно ранен девятнадцатилетний юноша. Согласно официальному заявлению властей, смерть и ранение стали результатом нападения на полицию вооруженных преступников, атаковавших полицейский автомобиль. Однако всего через несколько дней после этого происшествия появилось видео, которое во время рейда снял тот самый пятнадцатилетний мальчик, которого потом застрелили, и на этом видео ясно видно, что он и его друзья ничего такого не делали, просто стояли на улице, обмениваясь шутками, когда полиция начала их преследовать.

Как только появилось это видео, властям пришлось отозвать свое первоначальное заявление. Они начали расследовать действия девяти участвовавших в рейде полицейских, и начальник этих полицейских был отстранен от исполнения своих обязанностей на время расследования. Бразилия занимает одно из ведущих мест в мире по этой проблеме – злоупотреблениям со стороны полиции, тем не менее, обычно мы не видим, чтобы по отношению к органам власти применялись подобные меры, когда происходит внесудебная расправа. Это всего лишь один пример за последние несколько недель, за которым мы наблюдаем, пока расследование продолжается.

Другой пример из Украины. В прошлом году протестное движение, которое стало известно как Евромайдан, привлекло к себе внимание общественности во всем мире, в том числе, благодаря прямой трансляции и видео, снятыми самими участниками протестов, работниками служб оперативного реагирования и журналистами. Более ста человек были убиты в столкновениях между протестующими и полицией, и многие исследователи прав человека считают, что имели место преступления против человечности. Как раз вчера я говорила с одним исследователем прав человека в Украине; она работает над сбором сотен видеозаписей о событиях Евромайдана. И она сказала мне: «Вы знаете, в чем заключается парадокс. У нас никогда не было такого количества видеоматериалов, фиксирующих нарушения такого рода, и в то же время мы пока не видим торжества правосудия и каких-либо серьезных расследований случаев нарушения прав человека, которые показаны в этих видеоматериалах».

Это говорит о том, что, несмотря на возросшую как никогда ранее возможность документально фиксировать подобные злоупотребления властей и преступников, наличие видеозаписей само по себе не означает, что свершится правосудие, или что эти записи будут использованы в качестве доказательств в процессе судопроизводства.

Г-н МАХАНТИ: Я думаю, что, исходя из этого, я бы мог задать вытекающий вопрос. Я имею в виду, как, как вы, что вы можете посоветовать, вернее, как узнать, что гарантирует ценность видео не только для повышения информированности о проблемах, но и (особенно, когда этих видеоматериалов так много) для эффективного использования этих материалов в процессе изменений, для продвижения реформ или повышения ответственности и содействия правосудию?

Г-жа БЭЙР: Да, конечно. Для этого есть целый ряд методов, и видео могут действительно послужить толчком к изменениям на нескольких этапах осуществления правосудия. Один из способов – это просто привлечь внимание средств информации к проблеме. Именно это мы видим в случае, который вы упомянули, – Фергюсон (штат Миссури). Злоупотребления со стороны полиции в этом американском городе получили огласку благодаря местным жителям, которые снимали на видео протесты и столкновения с полицией. И это стало одним из факторов, повлекших за собой расследование, а потом и предложения по поводу необходимых реформ, которые мы увидим.

Есть другие примеры, когда люди снимают видео одного конкретного случая нарушений прав человека и полагают, что это видео может быть использовано в процессе судопроизводства, однако есть множество препятствий, которые мешают этому. И это одна из задач, над которой мы работаем в нашей организации WITNESS – обучить тех, кто снимает видео, необходимым навыкам, чтобы находясь на месте событий, они сумели снять видео и зафиксировать информацию таким образом, чтобы это видео могло быть использовано в процессе судопроизводства.

Сюда входят такие вещи, как необходимость зафиксировать контекст и место событий, а также обеспечить при съемке отражение достаточного объема информации, чтобы при просмотре – иногда через много лет после событий – люди могли действительно понять, что происходит.

Другая проблема, с которой мы сталкиваемся, это то, что в процессе судопроизводства достоверность видео часто подвергается сомнению. Один из примеров, который мы наблюдали, - это видео 2010 года из Ямайки. Это еще один случай внесудебной расправы над безоружным человеком, лежащим на земле, которого застрелил полицейский. Это видео было снято на мобильный телефон и попало в средства информации Ямайки. Однако через годы, когда состоялся суд над этим полицейским, видео не было использовано, и одна из причин была названа прокурором, который сказал: «Ну, мы не смогли найти того, кто снял это видео, поэтому не можем сказать, что это видео настоящее». Поэтому те, кто снимают видео, должны понимать, как они могут хранить свои видеоматериалы, обеспечивать надежность их передачи и хранения, а также архивировать их, а не просто выкладывать в YouTube, где они могут просто исчезнуть.

Это лишь несколько способов, с помощью которых мы пытаемся научить граждан, как обеспечивать возможность использования в судопроизводстве их видеоматериалов, ради которых они часто подвергают себя риску.

Г-н МАХАНТИ: Это позволяет нам перейти к другой теме нашего разговора, которую я хочу затронуть, а именно – к проблеме подлинности. В конце концов, эта проблема всегда присутствовала при рассмотрении документальных свидетельств нарушения прав человека, будь то письменный доклад или использование других носителей информации, таких как видео. Я бы хотел обратиться к Кристофу и задать вопрос об этом. Учитывая тенденцию к фальсификации и даже к повторному использованию старых видеоматериалов, а также проблему установления подлинности видеоматериалов, чтобы они могли быть эффективно использованы, что вообще можно сделать, и что именно нужно сделать для борьбы с этой тенденцией? И, во-вторых, опираясь на ваш опыт и большую проделанную работу, какие технологические возможности - как уже существующие, так и те, что могут быть созданы, - вы видите для того, чтобы позволить людям более тщательно проверять и подтверждать подлинность видеоматериалов?

Г-н КЕТТЛ: Я думаю, что это один из ключевых вопросов, стоящих перед нами всеми: не только перед правозащитниками, но и конечно перед журналистами и официальными лицами, которые, как прекрасно объяснила Мэделин, ежедневно сталкиваются с этими новыми материалами, поступающими через электронную почту или веб-сайты. Проблема в том, что многие просто повторно публикуют чужие материалы, взятые где-то в Интернете, или публикуют сфальсифицированные видео и изображения, хотя последнее случается крайне редко. В этом суть проблемы. Мне кажется, самая большая проблема – это повторное использование материалов, и мы можем привести множество примеров, когда мы видим видео или фото, которые на самом деле очень старые или сняты совсем в другой стране.

Я думаю, за эту проблему можно взяться двумя способами. С одной стороны, мы все можем хоть немного повысить собственную грамотность в области цифрового контента и определения его подлинности. Я хочу сказать, что это очень-очень просто, существуют простые инструменты и методы, о которых я сейчас расскажу, позволяющие проверить, является ли какое-то фото или видео, опубликованное через Твиттер или YouTube, действительно новым или оно уже публиковалось ранее. Таким образом, каждый раз, когда возникает новый конфликт – хорошим примером служит конфликт, возникший в Газе прошлым летом, – многие начинают публиковать в Твиттере фотографии, которые на самом деле были сделаны во время предыдущего конфликта, и это очень просто установить. Я считаю, что мы все можем научиться этому с помощью каких-то очень простых курсов или изучая эту тему специально.

Вторая проблема или второе решение, которое касается не только технологических аспектов, - и я знаю, что организация WITNESS много занимается этим, – это работа с людьми, которые снимают видео на местах, обучение их тому, как снимать видео таким

образом, чтобы немного облегчить задачу установления подлинности, и это не означает недоверия к этим людям. Эта проблема возникает из-за того, о чем я только что сказал - некоторые люди действительно с умыслом публикуют недостоверные материалы.

Что касается технологических решений, то основной вывод состоит в том, что не существует какого-то одного инструмента, который позволяет нам проверять тот или иной материал – это большая проблема. Это означает, что нам понадобится длинный перечень инструментов, которые позволяют нам устанавливать подлинность контента. Я могу перечислить некоторые шаги, которые я обычно предпринимаю. Многие из этого я уже публиковал в Твиттере, и знаю, что ресурсы также указаны на странице событий, поэтому нет никакой необходимости записывать.

Есть две основные вещи, которые я обычно делаю, и которые действительно имеют решающее значение при рассмотрении какого-либо материала. Во-первых, я смотрю на метаданные, и это важно даже тогда, когда мы имеем дело с материалами, размещенными в интернет-изданиях и социальных сетях. С одной стороны, я получаю все больше материалов, которые направляются нам напрямую, поэтому у нас есть метаданные, которые мы можем изучать. Но также нам иногда направляют материалы, источником которых являются социальные сети, и по метаданным мы можем определить, что это не оригинальная съемка, а материал, скачанный откуда-то. Существует несколько инструментов, например, для фотографий. Есть простые метаданные или (невнятно) программы для просмотра метаданных, такие как Invisor Lite. Есть еще один похожий инструмент для видео, который называется MediaInfo; он сообщает вам любые метаданные, связанные с каким-либо видео. Повторю, что все эти ресурсы указаны на моей странице в Твиттере и на странице событий.

Второй шаг, который действительно занимает большую часть времени - это непосредственный анализ материалов. Нужно очень внимательно изучать содержание видео или фото. Если это видео, я замедляю его и вычленяю каждую деталь. Я пользуюсь инструментом, который называется медиапроигрыватель VLC; он позволяет замедлить видео, повысить яркость и тому подобное, чтобы действительно очень внимательно рассмотреть то, что мы видим на видео. Это позволяет нам вычленять конкретные географические характеристики или какие-то очень конкретные детали о нападающих, например, или других лицах, которых мы видим на видео. Мы берем эти детали и затем используем множество общедоступных инструментов, которые предлагает, например, Google, таких как Google Earth. Можно посмотреть на спутниковые изображения. Можно проверить те географические характеристики, которые вы видите с помощью этих инструментов. Есть и другие инструменты для составления карт, например, WikiMapia. Я использую такие инструменты, как преобразователь часовых поясов, чтобы точно определить, когда были опубликованы видео или фото.

Таким образом, основной вывод состоит в том, что существует большой перечень инструментов, которые нам следует использовать, что, конечно, делает этот процесс очень

трудоемким и долгим. Чего нам не хватает сейчас – это, несомненно, инструментов, объединяющих многие функции, которые в то же время должны быть общедоступными и бесплатными, потому что, конечно, есть очень дорогое, запатентованное ПО для криминалистов, которое не могут использовать правозащитники, такие как я.

Г-н МАХАНТИ: Да, вы назвали много инструментов. Похоже, что есть действительно ценные вещи. Я же хочу передать слово Айрин, чтобы она прокомментировала некоторые положения, высказанные Кристофом, а также рассказала о своем обширном опыте использования видео для различного рода социальных преобразований.

Г-жа ЭРРЕРА: Да, я хотела бы отметить три ключевых момента, и это связано с тем, что уже говорилось, что уже сказали Мэделин и Кристоф. Во-первых, неправомерное или повторное использование видео обычно имеет очень серьезные последствия и обычно срабатывает против той самой группы, которая решила повторно использовать или сфальсифицировать видеоматериалы. Мы наблюдали это в случае, который произошел в Венесуэле, когда видео было неверно атрибутировано. Это было видео, которое не имело отношения к Венесуэле. Мы видели это в прошлом году во время беспорядков, которые произошли в 2014 г. И позже это видео было использовано правительством, конечно же, чтобы дискредитировать на основе одного этого видео, которое было неправомерно использовано, все другие материалы, которые могли быть достоверными.

Поэтому активисты и люди на местах должны сознавать те последствия, которые это может иметь, и как это может затем сработать против них и дискредитировать другие материалы. Это момент, важность которого необходимо подчеркнуть. И я думаю, что в обществе, где развивается конфликт, часто очень нужны навыки грамотного обращения с социальными сетями, потому что иногда люди хотят привлечь внимание к своим целям и поэтому, не задумываясь, цитируют у себя в Твиттере какое-то видео и так далее, и лишь потом выясняют, что это видео было не вполне правдивым, события произошли не совсем в том месте, и так далее. Поэтому этот момент приобретает большую важность.

Другой момент, о котором упомянул Кристоф, касается цифровых инструментов. Необходимо более тесное взаимодействие – и насколько я понимаю, «Международная амнистия» и организация WITNESS занимаются этим – с большим количеством разработчиков и новаторов в области цифровых технологий, чтобы понять, как мы можем объединить усилия для разработки общедоступных и других инструментов. Мы говорили об этом недавно. Например, у нас есть поисковики, которые осуществляют обратный поиск изображений, где мы можем посмотреть на другие изображения, которые использовались ранее, и увидеть, где, в каком контексте они использовались в прошлом. Но для видео такой возможности пока нет, поэтому с видео сложнее, и, хотя мы и можем работать с миниатюрами (превью), иногда бывает трудно провести обратный поиск для всего видео в целом.

Повторю, что тесное сотрудничество с компаниями, готовыми помочь в разработке таких инструментов – это ключ к решению проблемы.

Г-н МАХАНТИ: Звучит очень интересно. Вы думаете, такая технология существует или это нечто, что можно ожидать в будущем – обратный поиск изображений?

Г-жа ЭРРЕРА: Что касается обратного поиска по видео, то похоже, на сегодняшний день несколько человек уже пришли к этой мысли и этот инструмент находится в стадии разработки; возможно, скоро подобный продукт будет разработан, мы на это надеемся.

Г-н КЕТТЛ: Если позволите, я хотел бы кое-что добавить. Хочу еще раз подчеркнуть, что для фотографий такой инструмент уже существует, и это один из базовых инструментов, который я имел в виду, говоря о грамотности в области проверки материалов, поскольку это расширение браузера – проще говоря, нужно кликнуть правой кнопкой мыши на фотографию в Твиттере и выбрать кнопку «Искать это изображение в Google», и вы увидите все веб-сайты, где есть это изображение.

Это расширение работает на платформе Google, поддерживается поиском изображений в Google. Если вы откроете поиск изображений в Google, то у вас будет возможность загрузить изображение или скопировать и вставить туда url-адрес. Это позволяет вам за секунды определить, что данная фотография конфликта в Газе на самом деле сделана во время предыдущего конфликта в 2009 году. Этот инструмент уже существует.

Единственное известное мне решение по видеоматериалам, которое у нас есть на данный момент в случае YouTube, о котором уже упоминала Айрин, это возможность использовать миниатюры (превью) видео, поскольку при загрузке видео на YouTube всегда создаются три миниатюры. Мы можем делать такой же обратный поиск изображения, используя миниатюры видео на YouTube. Этот способ очень эффективен и полезен, но у него все еще много ограничений. Миниатюры могут быть изменены или же вы можете пропустить что-то. Поэтому у нас еще нет мощного инструмента для обратного поиска видео. Насколько я знаю, такой инструмент пока не существует. Было бы замечательно иметь такой инструмент.

И в связи с этим, раз уж мы затронули эту тему, если не возражаете, я скажу, что другая проблема состоит в том, что мы сейчас говорим о проверке только одного видео, только одного изображения. А что делать, если у нас 100 тысяч видеоматериалов по Сирии? Такой трудозатратный подход не сработает, если вы не располагаете 20-ю тысячами помощников. Это лишь один возможный подход. Я думаю, что более эффективным было бы сотрудничество с программистами и использование передовых компьютерных технологий для того, чтобы хотя бы пропускать видеоматериалы через какие-либо фильтры и в итоге определять, что из 100 тысяч видео только на 5-ти тысячах присутствует танк. А затем работать с более многочисленной командой, чтобы просмотреть эти 5 тысяч видео. Это еще одна проблема, которая все еще стоит перед нами.

Г-жа БЭЙР: Если позволите, я хотела бы вернуться к сказанному ранее. Одна из причин, по которой так важно подтверждать подлинность видеоматериалов очевидцами и гражданами, находящимися на месте событий, связана с тем, что основной способ распространения видеоматериалов – это социальные платформы, такие как Facebook и YouTube, поскольку это можно сделать легко и быстро. Однако когда я выкладываю видео на одну из этих платформ, большая часть метаданных моего оригинального видео удаляется при публикации этого видео онлайн. Технология, позволяющая подтверждать подлинность тех или иных видеоматериалов, существует. Когда я снимаю фото или видео на мобильный телефон, в этом материале содержатся метаданные, которые могут подтверждать, что материал был снят этим конкретным устройством в определенное время и в определенном месте.

В организации WITNESS мы как раз работаем над созданием методов, с помощью которых пользователи смогут контролировать метаданные, не отделяя их от видеоматериала. Таким образом, я могу снимать видео и передавать его Кристофу в «Международную амнистию», а Кристоф может посмотреть этот видеоматериал и увидеть метаданные, вместе с которыми он был снят. Один из инструментов, который мы создали для этой цели - это программа InformaCam, разработанная компанией Guardian Project и позволяющая делать именно это. Другой инструмент, который я видела в разработке, также сделанный в Венесуэле, называется Photo Ahora*. Он основан на такой же концепции. Он позволяет активистам, участвующим в акции протеста, делать фотографии и публиковать их в Твиттере, при этом фотография публикуется вместе с текстом, сообщающим, где и когда был сделан снимок.

Вот методы, с помощью которых мы пытаемся решить эту проблему, чтобы давать гражданам возможность вести документальную съемку и обеспечивать ее надежность и достоверность. С другой стороны, эти метаданные могут быть использованы против тех, кто снимает видео, документирует происходящее, против активистов – об этом мы тоже можем поговорить.

Г-н МАХАНТИ: Да, я хотел бы поговорить об этом. Я сейчас посмотрю, какие вопросы поступают к нам через Твиттер, чтобы мы могли продолжить наш разговор. Все вы немного рассказали о существующих технологиях, разработанных разными компаниями. И у нас есть вопрос Филя, который он задал в Твиттере: он спрашивает, есть ли какие-либо положительные примеры того, как бизнес играет активную роль в обеспечении безопасности правозащитников и пространства деятельности гражданского общества в связи с этой проблемой. Вы уже рассказали немного об этом, говоря о технологиях, но если кто-то хочет более подробно поговорить о роли частного сектора, я думаю, Фил будет вам благодарен.

Г-н КЕТТЛ: Не хотите начать, Мэделин? Мне кажется, что вам есть, что сказать на эту тему, хотя я не хочу ставить вас в затруднительное положение.

Г-жа БЭЙР: Я поделилась с вами ссылкой, которую все мы можем видеть на странице мероприятия в Google Hangout - это ссылка на приложение Photo Ahora*. По моим наблюдениям, компании и корпорации могут играть некоторую роль в этом процессе, если используются их технологии, и если они действительно понимают, что их технология может, как помогать, так и мешать документированию нарушений прав человека. Мы наблюдали, как целый ряд компаний действительно предприняли серьезные шаги, чтобы их технология не использовалась во вред правозащитникам, а наоборот, помогала им. Приложение, которое я только что упомянула, Photo Ahora*, было разработано, насколько я знаю, маркетинговой компанией в Венесуэле, которая обладала достаточным потенциалом, чтобы быстро разработать это приложение.

Организация WITNESS также работает с YouTube над проверкой видеоматериалов, размещаемых на канале «Права человека», который находится по адресу youtube.com/humanrights, а также над обучением тех людей, которые стоят за этой платформой, чтобы они понимали, каким образом эта платформа используется в целях содействия документированию нарушений в области прав человека. Одно из средств, которые они разработали - это инструмент, дающий пользователям возможность скрывать лица людей, запечатленных на видео. Сейчас, при загрузке видео на YouTube вы можете перейти в раздел «Улучшить видео» и применить эффект размытого лица. Это очень важно, потому что часто, когда мы снимаем протесты или берем интервью у правозащитников, мы хотим поделиться их историями, предать их огласке, но при этом может быть необходимо также обеспечивать их конфиденциальность и безопасность. Именно этим обосновано использование такого инструмента, как эффект размытого лица, и это действительно решительный шаг со стороны YouTube по защите тех, кто снимает видео о нарушениях прав человека и использует их платформу.

Хотелось бы услышать и о других примерах.

Г-н КЕТТЛ: У меня есть небольшой пример, который только что пришел мне в голову. Это снова инструмент, который больше помогает при проверке подлинности видео. Есть такая компания - Storify, это скорее журналистское агентство. По сути, они выполняют функцию Ассошиэйтед Пресс для социальных сетей – это хороший способ описать их. Они занимаются проверкой контента, публикуемого в социальных сетях, для новостных информационных агентств, и также они разрабатывают множество технических средств, которые помогают им в работе. Некоторые из этих средств находятся в частной собственности, я могу это понять.

Однако иногда они делают общедоступными некоторые очень простые средства, и один из таких примеров – это веб-расширение под названием Storyful Multisearch, которое можно установить на свой браузер. Это расширение позволяет производить поиск по нескольким социальным сетям. Вы можете ввести уникальный идентификатор для конкретной информации, размещенной в социальных сетях, и запустить поиск по

нескольким платформам сразу, что позволит увидеть всех, кто опубликовал эту конкретную информацию.

Они сделали этот сервис бесплатным, использовали его сами внутри компании и сделали его общедоступным. Мне кажется, это хороший пример того, как частные компании могут вносить вклад в решение проблемы проверки подлинности материалов. Конечно, это замечательно. Мэделин уже упоминала об этом: многие крупные компании, такие как Google или Твиттер, без сомнения могут помочь в решении этой проблемы. Было бы прекрасно, если бы они могли как-то решить проблему, связанную с изменением метаданных при загрузке материалов на сайт – это одна из серьезных проблем. Это особенно касается YouTube: мне кажется, должны быть какие-то опции, позволяющие людям ставить более конкретные теги, добавлять информацию к конкретному видео, которое опубликовано на YouTube, отмечать тегами отдельные вещи или моменты на видео. Я думаю, все это очень простые технологические решения, которые легко реализовать. Это скорее вопрос политики компаний.

Г-н МАХАНТИ: Спасибо! Давайте снова обратимся к вопросам, которые к нам поступают. Итак. Это немного изменит ход нашей дискуссии. У нас в Твиттере есть вопрос от Энни, которая хотела бы узнать не только о том, как видео используется «гражданскими журналистами», но также о растущей тенденции использования камер и видеоборудования (полицией) для документирования взаимодействия с населением, чтобы защищать себя, а также содействовать предотвращению подобных злоупотреблений и повышению ответственности. Она упоминает проекты, которые сейчас осуществляются в Бразилии, Калифорнии, Южной Африке и других местах.

Может ли кто-то из вас прокомментировать это, и считаете ли вы, что это становится более распространенным среди полицейских организаций, которые пытаются как-то контролировать собственные действия?

Г-жа БЭЙР: Это очень интересный вопрос, и очевидно, мы все больше наблюдаем это в США, по мере того как идея применения полицейских видеокamer получает все большее распространение в подразделениях полиции здесь. И есть ряд примеров, упомянутых в вопросе, из разных стран мира, где силы безопасности разными способами документируют свое взаимодействие с гражданским населением.

Один случай, который я видела совсем недавно, произошел на Западном берегу реки Иордан. Имеется видеозапись, на которой служащие Армии обороны Израиля задержали мальчика-подростка и натравили на него служебных собак. История получила огласку, потому что видеозапись этого инцидента попала на Фейсбук и в новостные СМИ. На этом видео видно, что солдаты носят каски с видеокameraми. И, несмотря на то, что правозащитники в Израиле пытались привлечь внимание властей к этому инциденту и говорили, что необходимо расследование, видеоматериал, снятый этими cameraми не использовался, пока не попал на Фейсбук и в СМИ.

Я думаю, что это пример того, что у нас может быть больше видеоматериалов, но нам надо делать так, чтобы к этому видео был доступ, и чтобы у общественности был способ узнавать о его существовании и как его можно получать, потому что в противном случае власти могут «включать» или «выключать» эти видео, открывать или закрывать доступ к ним по своему усмотрению. Нам нужно продолжать изучать этот вопрос в связи с возрастающим объемом видеоматериалов, источником которых являются государственные служащие. Как можно использовать эти видеоматериалы для предания огласке случаев злоупотреблений, как со стороны властей, так и по отношению к властям?

Г-н МАХАНТИ: Хочу задать один вопрос перед тем, как мы вернемся к вопросу на Google Hangout: приходилось ли вам наблюдать реакцию тех, кто хотел бы скрыть свои действия, чтобы их преступления не были запечатлены на видео? Реакцию преступников или сил безопасности, чьи действия снимаются на камеру.

Г-н КЕТТЛ: Если я правильно понял вопрос... Если люди, которые могут нарушать права человека, пытаются делать это скрытно, замечен ли какой-либо немедленный эффект от использования видеокamеры? Честно скажу, мало что сразу приходит в голову. Часто можно видеть, как представитель сил безопасности или любой человек – даже если вы сами находитесь перед камерой, то ваше поведение меняется, вы больше нервничаете, можете отвернуться. Мы часто видим, как люди отворачиваются, закрываются руками. Я хотел бы затронуть другой момент, который часто упускают из виду, в связи с нашим разговором о «размывании» лиц на видео.

Мы это делаем, и делали недавно. У нас был пример из Нигерии – на видео преступники совершали очевидное нарушение прав человека - внесудебную расправу перед камерой. Когда мы опубликовали это видео, мы использовали эффект «размытого лица», чтобы скрыть лица преступников. И это очень важный момент, потому что мы как правозащитная организация выступаем за верховенство закона. Мы хотим хотя бы в некоторой степени обеспечивать конфиденциальность человека, совершающего преступление или нарушение прав человека, потому что мы выступаем за справедливый суд, и этот человек должен привлекаться к суду с соблюдением всех надлежащих правовых процедур.

Это очень интересный вопрос: даже со своей стороны мы иногда предпринимаем такие меры, чтобы обеспечить конфиденциальность того или иного преступника. Если мы знаем, кто этот человек, мы можем передавать эту информацию дальше, соблюдая конфиденциальность. Мы можем сообщать эту информацию в докладе, если мы действительно уверены. Мы можем передавать эти сведения любой организации, расследующей данный инцидент. Но мы должны быть осторожны и не можем просто публиковать материал, не имея достаточного контекста, или обвинять тем самым кого-то, кто еще не предстал перед судом. Это очень и очень интересный вопрос, как мне кажется.

Г-н МАХАНТИ: Возможно, у нас позже будет время, чтобы вернуться к этому этическому вопросу, а сейчас я хочу перейти к вопросам о безопасности, которые к нам поступают. Кроме того, Айрин, вы тоже хотели что-то добавить к сказанному ранее?

Г-жа ЭРРЕРА: Да. Мне кажется, один из аспектов, который необходимо учитывать многим очевидцам и «гражданским журналистам» на местах – и это тема, которую мы будем все чаще обсуждать в этом году – это цифровая безопасность и меры, которые можно предпринимать, чтобы надежно сохранять видеоматериалы. Еще, в случае Венесуэлы, например, мы видели видеозапись, где было ясно, что полицейские хотели забрать у девушки телефон, потому что они знали, что она сняла их неправомерные действия при попытке арестовать студентов. Было очевидно, что они пытались отобрать у нее телефон. Она громко кричала, и ей удалось оставить у себя телефон, но мы наблюдали и другие попытки со стороны полиции забирать телефоны.

Также мы видели людей, которые вели съемку с балконов, например, и были замечены, и полиция знала, примерно на каком этаже или в каком здании их можно было бы найти и так далее, и иногда полиция направлялась в эти здания.

Мэделин уже говорила ранее немного о безопасности тех, кто снимает, но именно цифровая безопасность будет приобретать все большее значение в дальнейшем. Есть приложения, такие как Wickr, которые иногда – в особо экстремальных случаях, когда необходимо уничтожить информацию – позволяют стереть информацию, чтобы она не была обнаружена на вашем телефоне, например. Или такие приложения, как WhatsApp; в Венесуэле многие видеоматериалы, снятые очевидцами, распространяются через WhatsApp, поэтому можно успеть переслать кому-то копию видео, пока ваш телефон не отобрали. Если люди на местах могут быстро распространять это видео, даже просто пересылать другу или выкладывать в сеть, и быстро проверить, что у кого-то еще есть это видео, то тогда можно надеяться, что видео удастся сохранить, и что оно не будет утрачено, если телефон отберут, как часто и происходит в подобных ситуациях.

Г-н МАХАНТИ: Это...

Г-жа БЭЙР: Если позволите...

Г-н МАХАНТИ: Да, пожалуйста, Мэделин, продолжайте.

Г-жа БЭЙР: Хочу быстро добавить: мы наблюдаем, что все чаще происходит то, о чем сказала Айрин, - очевидцы, снимающие видео, становятся объектом преследований, поскольку в ситуациях, если на месте события нет журналистов либо туда не могут попасть следователи по делам о нарушении прав человека, эту роль берут на себя активисты, и они выполняют задачу по документированию происходящего. Если раньше мы бы ожидали, что власти будут преследовать журналистов, то теперь мы видим

обычных граждан, которые достают мобильные телефоны и становятся объектом преследований.

Это еще одна возможность для использования эффекта «размытого лица», поскольку в некоторых разных ситуациях, когда участники протестов снимают социальное движение, чтобы привлечь к нему внимание и обеспечить внутреннюю или международную поддержку, мы наблюдаем, что власти разворачивают ситуацию и говорят: «А! Вы используете видеосъемку, чтобы зафиксировать это событие. Ну что ж, мы тоже смотрим эти видео». И в Иране, и в Сирии, и в Колумбии, и во многих других местах мы наблюдали, как власти показывают эти видео прессе, публикуют их на своих веб-сайтах и в государственных СМИ и заявляют: «На этих видео - активисты, и мы просим граждан помочь нам идентифицировать этих людей». Это производит «сковывающий эффект» на тех, кто снимает видео и на всех, кто на этом видео запечатлен.

Помимо современных технологий, используемых для обеспечения анонимности, мы наблюдали такую стратегию, как съемка протестующих сзади, чтобы люди, участвующие в протестах, не подвергались риску. Мы начали наблюдать это в Сирии. Когда сирийские активисты стали подвергаться преследованиям за участие в революции, все больше видеоматериалов, фиксирующих происходящее, стали снимать сзади, или так, чтобы избежать идентификации активистов.

Г-н МАХАНТИ: Как раз на эту тему у нас есть вопрос, который поступил через Google Hangout от Рона, о цифровой и физической безопасности и о защите, поэтому я рад, что вы начали говорить об этом. И я хотел бы обратиться ко всей группе и предложить вам подробнее остановиться на рекомендациях о том, как активистам обеспечивать свою цифровую и физическую безопасность – во время съемок и после. А также когда они передают свои материалы правозащитным организациям и другим лицам, какие меры предосторожности необходимо предпринимать, чтобы защищать эти материалы?

Кто-нибудь хочет прокомментировать? Кристоф...

Г-н КЕТТЛ: Я хочу сказать лишь об одном моменте, потому что знаю, что у других тоже есть, что сказать на эту тему. Огромной проблемой является то, что если вы ведете съемку или выступаете в роли правозащитника, активиста, гражданского журналиста в крайне опасной и неблагоприятной обстановке, вы используете свой мобильный телефон или, может быть, обычную камеру, чтобы снимать нарушение прав человека или какие-то преступные действия. Вы снимаете, и эта запись находится прямо у вас в руках, и при этом у вас с собой имеются сведения обо всех ваших связях и контактах. Если власти забирают ваш телефон, то они получают все эти сведения о ваших контактах, а также снятый вами материал, и это крайне опасная информация. Это огромный риск.

Возникает вопрос, можно ли как-то избежать этого. В разработке находятся несколько приложений, которые опираются на InformaCam или сделаны по типу InformaCam, и,

наверное, Мэделин может сказать, есть ли подобные функции также у InformaCam. Существуют такие инструменты, как International Evidence Locker или приложение Eyewitness, которые записывают фото или видео и немедленно пересылают его с вашего телефона так, что на телефоне не остается и следа этих материалов. Мне кажется, это большой шаг вперед в обеспечении безопасности, потому что если ваш телефон заберут представители властей, на нем уже не будет этих материалов. Можно использовать пустой телефон без списка контактов, который можно просто брать с собой – я считаю, что это большой шаг на пути обеспечения безопасности.

Г-н МАХАНТИ: Вы хотели бы что-нибудь добавить к нашему разговору, опираясь на ваш опыт, как человек, который сталкивался с этим и создал ряд видеоматериалов, и ...

Г-жа БЭЙР: Конечно, то, о чем сказал Кристоф, это замечательно. Есть еще целый ряд инструментов и технологий, о которых необходимо информировать активистов буквально каждый день, потому что всякий раз, когда активисты и журналисты разрабатывают способы защиты информации, те, кто пытаются получить доступ к этой информации, разрабатывают еще более совершенные методы. Технология постоянно меняется, и активисты должны понимать это. При подготовке правозащитников наша организация WITNESS всегда подчеркивала необходимость понимания рисков, которым подвергаются они сами, а также те, кого они снимают.

Иногда активисты готовы рисковать, но даже если это так, особенно, если они рискуют, чтобы снять видео, то задача сохранения и защиты этого видеоматериала становится еще более важной. Мы обучаем активистов целому ряду шагов, которые они могут предпринимать для защиты своих технологий, будь то использование «одноразового» телефона, зашифрованных сообщений электронной почты или зашифрованного жесткого диска.

Что касается InformaCam, то это как раз один из элементов этой программы: добавляя метаданные для повышения доказательной ценности видеоматериалов, эта программа также внедряет и шифрует эти метаданные, поскольку мы знаем, что это также может подвергать риску тех, кто снимал материал, идентифицируя их личность или местонахождение на основе устройств, которые они используют.

Как бы нам ни хотелось, чтобы пользователи или платформы показывали метаданные, чтобы помогать нам устанавливать подлинность видеоматериалов, мы также должны давать пользователям возможность контролировать эти метаданные и видеть, что они понимают, как эти метаданные могут подвергать их риску. Мы рассматриваем следующие возможности: шифрование метаданных и обеспечение их доступности только для определенных адресатов или предоставление пользователям возможности самостоятельно контролировать, кому они показывают метаданные.

Г-н МАХАНТИ: Я хотел бы продолжить и вернуться к этическим вопросам более общего характера. Некоторые из вас говорили об использовании эффекта «размытого лица» для защиты конфиденциальности граждан, но когда речь идет об общественном благе и правозащитные организации занимаются определенной проблемой, связанной с нарушением прав человека, используя при этом видео, то каким образом принимаются решения, кто решает, что можно или нельзя показывать общественности, или организациям, работающим в сфере безопасности, или (невнятно) правосудия? Как принимаются эти решения?

Г-н КЕТТЛ: Я начну. Наш подход основан на том, что мы ведем эту работу уже более 50-ти лет, документируем и изучаем нарушения прав человека. Многие из этих вопросов не новы; новым, конечно, является формат. Мы всегда – все 50 лет – думаем о рисках, которым подвергаются люди, у которых мы берем интервью. Во многих случаях, чтобы защитить человека, мы изменяем его имя, когда берем интервью и публикуем его показания. Вопрос состоит в том, как мы решаем проблему риска в век цифровых технологий?

Существуют определенные инструменты, как мы уже говорили, такие как эффект «размытого лица»; можно не показывать то или иное видео. Без сомнения мы очень серьезно относимся к тому, что предаем гласности. Нужно ли «размывать» те или иные лица? Может ли этот видеоматериал подвергать человека риску или ставить его в ситуацию, которая может быть проблемной для этого человека? У нас есть своя внутренняя процедура, и мы должны проводить настоящую оценку рисков в связи с любой информацией, которую мы публикуем. Я думаю, все это не меняется с появлением новых видов контента. Проблема в том, что на видео и фото сейчас видно гораздо больше деталей, которые не были видны раньше – это может создавать трудности. Мы знаем, что в случае большого количества материалов, размещенных в Интернете, невозможно получить информированное согласие лиц, которых можно увидеть на фотографии.

Что нам делать с этим? Иногда мы все равно хотим публиковать материал, потому что нам важно, чтобы мир увидел это, но сначала мы думаем, не подвергаем ли мы риску тех, кого можно видеть на этом видео. Это очень и очень важно, и мы очень серьезно думаем над этим каждый день.

Г-н МАХАНТИ: Это замечательно.

Г-жа БЭЙР: Хочу кое-что добавить. Сейчас часто все зависит от видеоплатформ в Интернете, таких как YouTube и Твиттер, а это коммерческие компании, а не правозащитные организации с 50-летним опытом, как «Международная амнистия», и часто собственная политика этих компаний диктует, какого рода материалы остаются в открытом доступе для всего мира и могут быть обнаружены следователями по делам о правах человека и журналистами. Возвращаясь к моему вчерашнему разговору с украинским исследователем прав человека, если посмотреть на сотни видеозаписей

протестов Евромайदानа, то многие эти материалы уже нельзя найти на платформе YouTube в связи с разными правилами. Иногда материалы удаляются, потому что они не соответствуют правилам, касающимся натуралистических изображений, иногда – в связи с претензией о нарушении авторского права, а иногда потому, что правительства просят YouTube удалить то или иное видео по определенной причине.

Все это те вещи, которые этим платформам необходимо понимать, потому что хотя некоторые видеоматериалы могут не подходить для открытого пользования или разжигать ненависть, подвергать риску или преследованиям изображенных на видео людей, они также могут иметь доказательную ценность и играть решающую роль для тех, кто занимается мониторингом и исследованием нарушений в области прав человека. Один из вопросов, который мы сейчас обдумываем в связи с видеоплатформами, это то, как обеспечивать архивирование подобных видео для приемлемой аудитории, если они нарушают конкретные корпоративные правила.

Г-н МАХАНТИ: Это действительно полезная информация. У нас ограниченное время. На самом деле, у нас осталось время только еще на один вопрос и на подведение итогов. Кстати, я собираюсь сделать вот что: к нам поступили два вопроса, и я предложу вам оба этих вопроса и дам вам всем возможность ответить на один из них, в зависимости от вашего опыта и понимания.

Первый вопрос в дополнение к нашему обсуждению частного сектора таков: «Что могут или должны делать компании, работающие в области высоких технологий и в других областях, чтобы обеспечивать активистам более широкий доступ к определенным инструментам цифровой безопасности. Доступны ли уже такие инструменты»? Второй вопрос другой, но тоже очень интересный: «Как можно использовать видео и другие технологии для документирования менее заметных злоупотреблений, таких как коррупция»?

Вы можете отвечать на любой из этих вопросов. Давайте начнем с Айрин, потому что она последняя отвечала на все остальные вопросы. Итак, Айрин, можете ли вы прокомментировать один из этих вопросов?

Г-жа ЭРРЕРА: Меня привлекает второй вопрос, но мне нужно еще немного обдумать его. Что касается вопроса «как это делать», то здесь мы (невнятно) в область журналистского расследования, и было бы интересно увидеть схему работы над документированием этих менее заметных форм злоупотреблений. Возможно, это связано с тем, что доказательства не столь очевидны, потому что в таких случаях обычно не ведут съемку непосредственно происходящих событий и т.д. Для этого потребуется... да, мне нужно будет подумать над этим еще, потому что придется разработать схему действий или некий порядок действий, чтобы все, что вы говорите на камеру, могло быть проверено и оказаться правдой, и уже после этого можно было бы привлекать внимание других людей к конкретным случаям. Итак...

Г-н МАХАНТИ: Думаю, что это (неразборчиво) полезно само по себе; если вам есть, что добавить, мы можем разместить это на веб-сайте. Поскольку у нас осталось лишь несколько минут, давайте обратимся к Кристофу, а затем послушаем Мэделин, и наконец, предложим итоговый комментарий и на этом закончим нашу утреннюю встречу.

Г-н КЕТТЛ: Я тогда отвечу на первый вопрос. Уже существует множество инструментов цифровой безопасности. Здесь важны два момента: первое, они должны быть действительно полезны для тех, кто находится на «переднем крае». Иногда я вижу необыкновенные приложения и инструменты, которые разработаны для западного мира и просто не будут работать в других местах. Это важно, как правило.

Хотя я и не специалист в области цифровой безопасности, я думаю, что особенно в отношении технологических компаний одна из самых важных вещей – это полная прозрачность и общедоступность этих инструментов. Возможно, это кажется немного нелогичным, но все больше и больше людей могут тестировать общедоступные инструменты, находить в них дефекты; вы можете проводить проверки безопасности и выяснять, в чем состоит проблема с тем или иным программным обеспечением. Поэтому я думаю, любая компания, которая работает в области цифровой безопасности, должна быть очень прозрачной и открытой – в результате, они будут гораздо более надежно защищены. На технологических компаниях лежит большая ответственность, потому что в противном случае они продают вам некий продукт, который не являющееся прозрачным, и через два года может выясниться, что этот инструмент вовсе не обеспечивал безопасность.

Г-н МАХАНТИ: Спасибо, это было интересно. Мэделин, последнее слово за вами.

Г-жа БЭЙР: Спасибо. Сначала хочу поддержать предложение Кристофа. И отвечу на второй вопрос, потому что вы затронули важный момент – гораздо легче фиксировать на видео то, как полицейский избивает участника протеста, или бочковые бомбы. Это очень впечатляющий материал, который легко снимать. Обычным гражданам гораздо труднее использовать видео для документирования постоянных нарушений прав человека, которые, возможно, не столь драматичны и не сводятся к какому-то одному инциденту, который можно задокументировать.

Я хотела бы привести один пример из Индии под названием Video Volunteers. Это организация, которая снабжает общественных корреспондентов оборудованием и учит их рассказывать о своих местных проблемах в области прав человека. Проблемы, которые они освещают, могут охватывать широкий спектр: от нехватки питьевой воды в любом населенном пункте, отсутствия учебников и электричества в местной школе до кислотных атак против женщин и касты далитов («неприкасаемых»). Они готовят короткие видеоотчеты, которые сообщают аудитории, что она может предпринимать, чтобы что-то изменить, если ее тронуло это видео – куда звонить, к какому представителю обращаться, чтобы решать эту проблему. Количество историй успеха впечатляет.

Это позволяет нам вернуться к вашему первому вопросу: каким образом видео может спровоцировать реальные сдвиги. Организация Video Volunteers делает это через адресные издания и видео, содержащие конкретные шаги, которые действительно побуждают аудиторию к участию.

Г-н МАХАНТИ: Большое спасибо! Я нарушу свое собственное правило и спрошу Айрин. Поскольку я неожиданно обратился к вам первой, то сейчас вы можете добавить что-то, если хотите. Или мы можем пойти дальше, а по окончании сегодняшнего разговора разместить материалы на веб-сайте. Если хотите что-то добавить, мы слушаем.

Г-жа ЭРРЕРА: Поскольку я знакома с работой организации Video Volunteer и согласна с Мэделин, мне пришел в голову еще один момент – обучение тому, как брать интервью у людей, которые стали жертвами этих менее заметных форм злоупотреблений. Организация WITNESS располагает материалами об этом, например, о том, как брать интервью у женщин, которые, возможно, подвергались насилию или стали жертвами изнасилования, и так далее.

Одним из решений стала бы разработка более совершенных инструментов, чтобы понять, как интервьюировать людей, ставших жертвами этих менее заметных нарушений прав человека, которые мы не можем увидеть, но можем дать им платформу и возможность высказаться и рассказать свою историю.

Г-н МАХАНТИ: Это замечательно. К сожалению, по крайней мере, для меня, мы подошли к концу отведенного времени. Я хочу еще раз поблагодарить наших троих удивительных гостей. Это Кристоф Кеттл, Айрин Эррера и Мэделин Бэйр. Спасибо вам большое! Каждый из гостей предоставил множество различных ресурсов, которыми можно воспользоваться. Многие из них мы обсуждали сегодня. Мы разместим эти ресурсы или ссылки на них на нашем веб-сайте humanrights.gov, а также ники наших троих гостей в Твиттере. Я также хочу предложить им разместить в Твиттере все, о чем они упомянули сегодня, что, по их мнению, заслуживает большего внимания, используя хэштег #StateOfRights, чтобы привлечь более многочисленную аудиторию.

И как упоминалось ранее, материал из Google Hangout будет размещен на веб-сайте humanrights.gov, где у нас бывает много зрителей уже постфактум. Мы надеемся широко распространить это видео. Думаю, это действительно продуктивно. Я многое узнал - ведь существует множество ресурсов. Еще раз благодарю всех, кто присоединился к нам, и команду Государственного департамента, которая помогала организовать это мероприятие.

Спасибо всем, желаю всем во всем мире прекрасного дня!

Г-н КЕТТЛ: Спасибо!

Г-жа БЭЙР: Спасибо!

Г-жа ЭРРЕРА: Спасибо!